

Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте

Всеволод В. Ахматов^{a, @}

^a Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

[@] maryatirsa@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.04.2020. Принята к печати 17.05.2020.

Аннотация: Феномен апостасии в процессе исследования раскрывается как имеющий ряд статусных особенностей и актуальных аспектов – культурно-исторических, церковноправовых, эсхатологических, духовно-нравственных, что отражает актуальность данной работы. Исследуемая в контексте религиозно-философского дискурса эсхатологическая проблематика способствует более углубленному анализу причин общественных, социальных конфликтов, явлений насилия, поскольку обращает наше внимание на духовно-нравственный феномен апостасийности. Для этого возможно использовать сравнительно-сопоставительный типологический метод исследования. В статье предложен вариант типологии вероотступничества, обусловленной раннехристианским культурно-историческим контекстом на основании концепции христианской антропологии. Сделан перечень оснований, лежащих в фундаменте феномена отступничества, как классификация его форм и направлений. Осуществлена попытка найти ключ к основанию для выделения определенных апостасийных типов. Выделены существенные направления апостасии, ее эталонные типы. Названы основные критерии, определяющие исследование и ряд его онтологических предпосылок. Обозначено особое значение рассмотрения явления отступничества в культурно-историческом контексте. Цель – показать важность и актуальность духовно-нравственной проблематики, вопросов выбора добра и зла для углубления современного философского дискурса в направлении профилактики межрелигиозных и социальных конфликтов, явлений насилия и экстремизма.

Ключевые слова: богоотступничество, вероотступничество, Каин, добро, зло, духовность, грех, свобода, грехопадение, раннехристианская культурно-историческая традиция, эсхатология

Для цитирования: Ахматов В. В. Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-137-145>

Введение

Проблема вероотступничества (апостасии) и человека-отступника (апостасийного человека), исследуемая в контексте раннехристианской культурной традиции, имманентна учению раннехристианской ортодоксальной церкви. Она затрагивается многими раннехристианскими философами и богословами, даже если они не сосредотачиваются именно на апостасии как таковой. Представляется возможным обратиться к исследованию генезиса апостасийной проблематики внутри раннехристианской культурной традиции, исходя из того, что сердцевиной концепции является видение крупных раннехристианских авторов (таких как апостолы Петр и Павел, Иоанн Богослов, Игнатий Антиохийский, Поликарп Смирнский, Климент Александрийский, Иустин Философ, Иринеи Лионский, Ипполит Римский, Ориген), где апостасия и апостасийный человек, т. е. отступник, рассматриваются как явления, противостоящие раннехристианской ортодоксии и препятствующие выполнению главной задачи христианства – сотериологического единства «во Христе» [1].

Теоретические основы. Апостасийная феноменология, развивающаяся в контексте антропологической и эсхатологической проблематики, отталкивается от первоначальной

иудео-христианской концепции происхождения зла и грехопадения первых людей.

Православная патристика всесторонне раскрывает Ветхозаветное и Новозаветное учение о происхождении зла, греха и свободы (Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Назианин, Григорий Нисский и др.) [2]. Исходя из библейских оснований происхождения зла и развивая Новозаветную парадигму, восточно-христианская антропология уже на самых ранних этапах своего развития рассматривает человека как существо духовно поврежденное, подверженное греху, болезням и смерти вследствие своего злого самоутверждения. Раскрытию этой темы посвящены работы таких мыслителей, как В. И. Несмелов [3], В. Н. Лосский [4], митр. Макарий (Оксиюк) [5], прот. В. В. Зеньковский [6].

Конкретно на явление апостасии как эсхатологический феномен духовно-нравственного христианского религиозного сознания, утрату человеческой идентичности и признак глубокого кризиса христианской цивилизации обращали внимание И. Кант [7], А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, А. Макинтайр, А. Швейцер [8], Ж. Бодрийяр, а также католические религиозные философы – М. де Унамуно [9], А. Бадью, Ж. Маритен, И. Ратцингер, Р. Барт и др.

Нравственно-этическая и эсхатологическая сторона характеристик вероотступничества как апостасийности человека и мира становится важной темой в русской религиозной философии конца XIX–XX в. у В. С. Соловьева [10; 11], Н. А. Бердяева [12], Е. Н. Трубецкого [13], Н. О. Лосского [14], С. Л. Франка [15], П. А. Флоренского [16], С. Н. Булгакова [17], Л. П. Карсавина [18] и др. Для русской религиозно-философской мысли (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. И. Шестов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др.) важен момент не только становления онтологии зла и греха как основы апостасийности, свободный момент начала ее развития, ее сущность, но и конечная (эсхатологическая) ее судьба [19]. В эсхатологическом (личностно-универсальном) контексте были осуществлены важные для современного понимания проблемы и подходы в русской религиозно-философской мысли (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов [20], И. А. Ильин, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. И. Шестов).

Методы исследования. Если анализ духовно-нравственного и церковно-правового содержания понятия апостасии может раскрыть его экзистенцию, наметить сами пути его преодоления, показать его эсхатологические проекции, то культурно-исторический анализ призван показать внешние обстоятельства, конкретный культурно-исторический контекст, в котором существовал данный феномен, и выявить внутренние особенности (этические характеристики), механизмы либо способствующие, либо тормозящие (сдерживающие) его развитие (тип, вид, квалификация, примеры (персоны)). Для этого возможно использовать сравнительно-сопоставительный типологический метод исследования.

Критерии и основания выделения типов апостасийного человека

Каждый из апостасийных типов является эталоном, обладающим наиболее характерными свойствами апостасийности, они ярко показывают суть явления, его основные особенности. Для того чтобы найти ключ к основанию для выделения определенных апостасийных типов, можно постараться ответить на следующие вопросы:

- 1) какой структурный элемент человека оказался особенно уязвимым для возникновения и развития апостасийности (телесный, душевный, духовный);
- 2) от чего отступает апостасийный человек (от Бога, Христа, церкви, внутренних императивных моральных установок, нравственных норм человеческих сообществ, законных и правовых норм, правил человеческого общежития, построенных на взаимоуважении и терпимости). Здесь возникает необходимость построения теории принципов и оснований, на которых возможна типологизация отступничества;
- 3) каков временной принцип развития или торможения апостасии. Например, период обостренных эсхатологических ожиданий, охлаждения веры, гонения, вспышки религиозности или штиль религиозного сознания и т. д.;
- 4) если предположить, что всякое проявление веры и религиозности сознания или их отвержение имеет отношение к пассионарности (термин Л. Н. Гумилева), то возможно

выделить пассионарные и субпассионарные типы апостасийности.

Основные критерии, определяющие наше исследование:

- 1) телесные страсти (например, страсть к деньгам, наживе, половым наслаждениям, алчность, жадность, ревность, наслаждения, связанные со стремлением убивать, недолимым желанием лишать жизни и мучить, карать, мстить, жажда крови, каннибализм);
- 2) душевные переживания, такие как страх, ужас, отчаяние, малодушие;
- 3) природная, врожденная склонность, наследственность;
- 4) сумасшествие и психические болезни (психопатия, паранойя, раздвоение личности, депрессивные и маниакальные состояния и др.);
- 5) жажда запретного, тайного знания (герметизм, оккультизм, теософия), служение злу, восхищение злом (сатанизм, черная магия, колдовство), богохульство, поправление и поругание сакрального;
- 6) еретический поиск (например, гностико-манихейский), жажда религиозно-философского творчества и свободы, альтернативной неортодоксальной религиозности;
- 7) высокомерная по отношению к относительно молодому христианству жажда возвращения к древнейшим дохристианским религиозно-философским системам и традициям (теософия);
- 8) вывихи религиозно-философского сознания и атеизм.

Среди онтологических предпосылок возникновения феномена отступничества (вероотступничества, апостасии) необходимо назвать такие актуальные для данного явления аспекты, как проблема зла, греха и свободы в раннехристианской традиции, церковно-правовая статусная составляющая, духовно-нравственная составляющая и ее эсхатологическая проекция.

Апостасийный человек в культурно-историческом контексте

При рассмотрении явления отступничества в культурно-историческом контексте имеет значение ритм, особенности религиозной жизни, нюансы эллинской и иудейской, восточной и западной религиозности, этнические и национальные характеры, историческая эпоха и ее религиозные традиции, этос, социально-экономическое и географическое положение событий.

Среди доминант, обуславливающих развитие или торможение апостасии, могут выступать религиозно-конфессиональные, этнические, культурные, социально-экономические, географические, природные особенности данной исторической эпохи, ее этос (как совокупность нравственных представлений, моральных ограничений, духовно-нравственных доминант). Отдельно можно отметить угасание или всплеск эсхатологических ожиданий, гонений на христианство, жажду религиозно-философского знания и творчества в рефлексии, характерной для определенной эпохи, ее влияние на развитие или торможение апостасийных тенденций. При этом необходимо учесть те конкретные культурно-исторические условия, в которых сформировался

получил развитие данный тип отступника, и главный доминирующий фактор, повлиявший на данные процессы. Особенно важна характеристика эпохи, свойственные ей идеи, воззрения, теории и др. На основании этого представляется возможным выявить причины, факторы, условия – способы и формы детерминации апостасийности (структурные, функциональные, генетические, религиозные). Перечисленные данные делают варианты апостасийности неидентичными, имеющими уникальные особенности. Наиболее наглядно это можно сделать на ярких, характерных примерах (подтипах, персонах) апостасийных явлений в контексте разнообразного культурно-исторического пространства эпохи становления раннего христианства, в период которой и произошло формирование основных апостасийных типов. В культурном пространстве раннего христианства просматривается два основных типа отступничества – нераскаянный (эталон – Каин, Иуда) и кающийся (эталон – ветхозаветный Израиль, «благоразумный» разбойник, ап. Петр).

Пример эталонного типа нераскаянной апостасийной личности в христианском культурно-историческом контексте

Как эталон нераскаянной апостасийной личности можно привести пример Каина. Каин – метаисторическая личность, но этот персонаж стал нарицательным в культуре всего человечества, прочно вошел в язык и искусство. Он во многом стал предопределяющим культурно-историческую специфику христианской традиции в ее отношении к носителям «злого», богоборческого начала¹.

Согласно ветхозаветному повествованию, после грехопадения первых людей сын Адама Каин является первым примером отступничества. Творец обращается к нему: «отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимашь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»². Каин не внял этим словам и стал первым нераскаянным братоубийцей и человекоубийцей. У него не было ни внешнего закона, который бы он мог исполнить или нарушить, ни общественной морали, которой он мог бы следовать или не следовать, поэтому его отступничество имело характер внутренний, глубинный, сознательный. Он последовал за древним «метафизическим злом мира», ощутил его присутствие и поклонился ему [20, с. 334].

Это отступничество от природно-бытийного добра и внутренне связанного с ним сверхличного ценностного начала, т. е. Бога и Творца, Его Любви – главный религиозный внутренне-личностный конфликт первых потомков

Адама. Оно глубоко выражено в лживости Каина, в его лицемерной попытке «надеть личину» неповинного в крови брата³ и имеет основание в неверии Каина в то, что Бог есть абсолютное Добро, справедливость, благость и всеведение, т. е. в нелюбви и в недоверии к Нему. Неслучайно у Дж. Байрона Каин обращается к сатане и рассуждает так:

*«Что ж, змий не лгал! Дало же древо знание,
Другое – жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знание есть благо. Как же может
Быть злом добро?». Ему вторит Люцифер, –
«Мы существа, дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всеильному тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою –
Я этого не знаю и не верю <... >
Зла не рождает благо,
А он родит одно лишь зло»⁴.*

Сначала у Каина возникает недоверие к Творцу, утрата опоры, ориентиров или цели, разрушение взаимоотношений или восстание, ошибка или заблуждение; затем появляются желания и стремления, не соответствующие постулатам разума и требованиям природы, Божией правде и любви; и наконец, происходит совершение богоотступничества в душе, приготовленное внутренним расположением; внешнее отступничество, безбожие, (беззаконие), несправедливость, нанесение вреда.

Отсюда – бунт Каина против Бога, Создателя, Отца и его вырождение в низшую личность, отрыв от высшей реальности. Он становится чужд всякому наивысшему духовному усовершенствованию и застывает в моменте «тварно-греховного совершенства» (термин Л. П. Карсавина) [18], породив потомство, «строящее города», «живущее в шатрах», «играющее на свирелях и гусях», «кующее орудия из меди и железа»⁵, т. е. двигающее научно-технический прогресс, развивающее искусства, создающее свои формы культуры, первобытного права, социума. Первое призвано сделать комфортным быт, второе должно развлечь в минуты отдохновения от трудов и войн⁶, последнее регламентирует родоплеменные отношения и утверждает право сильного.

Каин стал злодеем (злым, мстительным, безжалостным), который сказал в сердце своем: «Нет Бога», вышел «за пределы всякого нравственного уродства», стал отступником. Но он же и вызывает сочувствие, потому что либо сошел с ума (т. к. знал достоверно, что Бог есть), либо – «отступается от Бога, из отчаяния, будучи не в силах найти Его». Для него Творец – это тиран, и все что связано с Ним – зло, а отступничество связано с надеждой на избавление

¹ Евангелие от Матфея. Гл. 23. Стих: 35; Евангелие от Луки. Гл. 11. Стих: 51; 1-е послание Иоанна. Гл. 3. Стих: 12; Послание Иуды. Гл. 1. Стих: 11; Послание к Евреям. Гл. 11. Стих: 4.

² Ветхий Завет. Бытие. Гл. 4. Стих: 6–7.

³ Там же. Гл. 4. Стих: 9.

⁴ Джордж Гордон Байрон. Каин // Бунин И. А. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. С. 383, 388. (Акт первый. Сцена первая.)

⁵ Ветхий Завет. Бытие. Гл. 4. Стих: 17–22.

⁶ Ветхий Завет. Книга Екклесиаста. Гл. 5. Стих: 17.

и освобождение и поэтому представляется как добро и благо [16, с. 691; 9, с. 46].

Мысль лорда Байрона о бунте Каина против Творца Ш. Бодлер превратил в жажду войны с небесами:

*Род Каина весь страсть и злость
Чужой восторг лишь видеть может!
<... > Род Каина за гнет и труд
Твой враг тебе заплатит щедро!
<... > Род Каина небес достиг
И наземь низвергает Бога!⁷ (пер. с франц. Элиса).*

Это каиново состояние приблизило жизнь первых людей к животному миру, ограниченному и временному, и отдалило от подлинного мира Божественного, идеального и вневременного. Звероподобный закон силы и выживания, отбора и селекции, который конечен и чужд познания абсолютов высшего добра и блага (ценностей высшего духовного порядка), ставший основой жизни каинитов, поспособствовал дальнейшему развитию явления отступничества. Постепенно личностная внутренняя апостасия Каина стала внешней, и из духовно-нравственной коллизии жизни одного человека превратилась в духовно-нравственную коллизию всего древнего социума. «Сказание Ягвиста об Адаме, Каине, Потопе и Башне указывает на радикальное неблагополучие в человеческом мире. Хотя автор и не говорит о связи между грехом Адама и состоянием последующих поколений, однако, он рисует картину, в которой ясно ощущается *нарастание зла*» [21, с. 531]. Но от этого Каин и его потомки не стали немощными, слабыми, нежизнеспособными. Такой человек-изгой должен был бы погибнуть, исчезнуть на задворках истории, но этого не произошло.

Здесь начинается просматриваться эсхатологический аспект отступничества – момент нарастания силы, развития, эволюции зла и греха. Оно первоначально не уничтожается, а лишь проклинается, изгоняется. Оно становится скитальцем, но ненадолго, т. к. активно создает свой мир на земле, строит города, кует железо, рождает детей, развивает свою культуру. У него появляется новое основание на крови, перспектива, некое будущее с новыми возможностями. Оно приобретает оттенок могущества, внушает страх. Его ценности неразрывно связываются с преступностью, пороком, жестокостью, войной, мстостью, правом сильного и богатого.

Глубокое воплощение персоны Каина случилось в гностицизме. А. Ф. Лосев пишет об этом следующее: «София оказывается не просто временно согрешающей, но вечным покровителем человеческого грехопадения. В этом смысле удивительны те материалы, которые мы имеем о секте каинитов. Как было сказано выше (с. 338), первым учеником и апостолом Софии явился Каин, убийца Авеля, а затем и тот Иуда, который был предателем Христа. Здесь крайняя ступень отпадения Софии от своей божественной сущности, которая не только не является принципом зла, но и вообще выше всякого добра и зла» [22, с. 383].

В Каинов апостасийный тип входят, как правило, натуры-лидеры, харизматики, часто поставляющие себя превыше всякого добра и зла: а) кровавые тираны-правители и узурпаторы; б) революционеры, террористы, неонацисты; в) разбойники, бандиты и уголовные преступники; г) сознательные, убежденные самоубийцы.

Но нельзя забывать, что в различных формах отступничества при желании можно увидеть «что-то хорошее», «предполагающее сочувствие». В прелюбодеянии можно рассмотреть нежность и самоотверженность; в убийстве – храбрость; в профанациях и кощунстве – некое сатанинское дерзновение. Отступничество часто кричит о гибели за любовь, верность, дружбу. Постараемся посочувствовать этим людям и понять их. У каждого из них была своя личная обида, драма, история, правда. Правда несовершенства и несправедливости мира, неравенства людей и т. п. [12, с. 196–199].

Каин и каиниты положили начало целому направлению в апостасии и явили некий прогрессирующий тип человека-отступника. Это, как правило, внутренне и внешне убежденные нераскаянные отступники, готовые идти до конца и нести ответственность за все совершенное ими. Для него характерно:

- 1) убежденное богоотступничество, антихристианство и антиклерикализм, заигрывание с демонизмом, атеизм;
- 2) нераскаянность;
- 3) воля и способность к лидерству, доминированию, власти любым путем;
- 4) агрессия, воинственность, мстительность, беспощадность, безжалостность, жестокость, цинизм, преступность (склонность к насилию, пролитию крови, самоубийству и убежденность в их необходимости, пользе, неизбежности во имя выполнения жизненно важных целей и задач);
- 5) вера в свою звезду, идею, судьбоносность, исключительность, историческое мессианство.

Из притягательных свойств каинитов можно выделить: трудолюбие, коллективизм, умение дружить, верность, способность руководить, предприимчивость, ремесленные творческие способности, мужество, способности к борьбе и самопожертвованию, преодолению страха смерти и страдания, харизматичность и личное обаяние. В этих качествах заложен потенциал для эволюции каинового типа, которой присущ эсхатологический контекст. В нем, возможно, раскроются утонченные формы антихристовой апостасийности будущего (апостасийность тогда становится антихристианством, когда восстает на Христа, Его рождение, крест, воскресение, Его добро, правду, истину). Необходимо даже сказать, что важно для нашего исследования – обозначить и раскрыть этот контекст, т. к. апостасия – это не застывшее явление культурно-исторического прошлого человечества, а динамически развивающийся феномен настоящего и будущего. Он интересен для нас не как археологическое

⁷ Бодлер Ш. Цветы зла: Стихотворения. СПб.: Азбука, 2011. С. 395.

ископаемое, а как вопиющая действующая реальность. Эсхатологический путь каинитов в рамках христианской традиционности – это путь к антихристу, путь эволюции зла, к высшей точке его могущества, научно-технического совершенства и низшей точки его культурного и духовно-нравственного падения. Каиниты рождаются или становятся злыми, преступными, нечестивыми и совершенствуют свои качества из поколения в поколение. С точки зрения христианской историко-культурной традиции, эти преступники, убийцы, террористы парадоксально двигают мир к концу, к логическому завершению, а значит и к конечному торжеству добра, божественной справедливости и любви.

Каиновой апостасийности, постепенно научившейся казаться «чем-то хорошим», почти всегда не хватает этого добра, справедливости и любви. Ей глубоко свойственно «нечто позорное и низкое», кровавое, нечестивое, преступное, нечистое, скверное. Ей присущ некий внутренний изъян, несовершенство, грязь, resentment, который построен на ненависти к другим людям, направлен только на чисто земные, материальные цели, оторван от духовной традиции. Каинов тип личности нашел свое разноплановое отражение в мировой культуре.

Литературные примеры апостасийного человека-каинита

Очень напоминает Каина, желающего исправить свой нрав, герой неоконченного романа Ч. Дикенса «Тайна Эвина Друда» Невил Ландлес. Ему свойственны от природы «демоническая ярость», «нечеловеческая сила в минуту гнева», «жажда уничтожить противника». Он чувствует, что чем-то хуже других людей, что он по природе злой человек и это очень трудно изменить. Это же чувствуют и сталкивающиеся с ним люди. Доброму сэру Криспарклу, взявшемуся за духовное руководство Невилла, горько видеть в нем черты «недоброго характера», «угрюмого, мрачного и бурного как эта надвигающаяся ночь». Он подозревает их врожденность, наследственность и мучительно размышляет над этим феноменом (гл. X).

Роман Джона Стейнбека «К востоку от Эдема» сначала включал библейскую аллюзию и непосредственно назывался «Знак Каина». Дж. Стейнбек транскрибировал историю Каина и Авеля непосредственно в текст. В результате роман обзавелся своим окончательным названием – «К востоку от рая». Основными темами романа стали безнравственность, милосердие, любовь, борьба за признание, величие, способность к саморазрушению. Особое внимание автор уделил вине и свободе. В процессе замысла и написания Дж. Стейнбека вдохновляла четвертая глава Книги Бытия – стихи с первого по шестнадцатый (история Каина и Авеля). Кроме того, он ссылался на Каина и Авеля посредством имен своих персонажей.

Карл Траск, ставший главным героем в одноименной экранизации романа (актер Дж. Дин), приходит к выводу, что он злой выродок от рождения и ничего с этим не поделает. Он страдает и мучается сознанием этого и пытается вырваться из своей природы.

Мораль истории о Каине и Авеле в романе рассмотрена под различными углами зрения. Например, еврейское слово *timshel* (ты можешь) становится в романе важным символом, это означает, что человечество имеет право выбора.

Черты Каиновых отметин явно просматриваются у Тома Джордаха из романа И. Шоу «Богач, бедняк». Несмотря на все данные «злой» природы, в нем остаются духовное начало и поиск добра. Он также ищет иной путь покаяния и исправления, ведущий к искуплению вины и греха. Это выражается в глубоком раскаянии и чувстве вины за гибель «негодяя» Фальконетти, в посещении матери, прощении по отношению к Гретхен, попытках понять брата возобновить общение не из-за его денег и влиятельных связей и, наконец, в самопожертвовании ради жены брата Рудольфа Джин.

У каиновой апостасийности просматриваются два эсхатологических пути:

- 1) путь убежденных нераскаянных иуд, самоубийц, преступников, инквизиторов, колдунов, еретиков, сектантов, атеистов, террористов;
- 2) путь раскаявшихся предателей, преступников, инквизиторов, колдунов, еретиков и т. д.

Иуда Искариот положил начало отступничеству ложного покаяния и самонаказания, став «отцом» всех лжетоварищей и лжедрузей, предателей и отчаявшихся самоубийц, не веривших в возможность прощения у Бога и людей.

Для типа отступника-иуды необходимо отметить:

- его отступничество есть продуманный, свободный, личностный выстраданный (глубоко эмоционально переживаемый) выбор;
- в основе него лежит отсутствие или утрата веры в божественное и человеческое добро, решимость заплатить за это самую высокую цену;
- личностное зло, сопутствующее данному убеждению (воровство, лицемерие, ложь, предательство), есть лишь следствие этого выбора и потому вторично, но, возможно, именно оно становится «благодатной» почвой для «вселения сатаны»;
- оно долго таится, созревает, открывается, обнаруживается на пике вселенской или человеческой драмы и неизбежно гибнет;
- это зло бывает не бессовестно, но ему не сопутствует вера в любовь и возможность прощения у тех, кто не является с его точки зрения истинным носителем добра и справедливости, и потому склонно к отчаянному самонаказанию, гибели или самоубийству.

Следуя иудео-христианским культурно-историческим концептам и сигнификатам, посткаинитское развитие явления апостасии можно проиллюстрировать на примере ветхозаветного израильского народа. Он явил собой некий специфический тип отступничества. Но явив миру крайние точки падения, великие полярные состояния человеческого духа, крайнего нечестия и глубочайшего раскаяния, отступничество древних евреев дало мощный толчок к развитию духовности всего человечества. Оно привело к активизации деятельности пророков, поспособствовавшей проявлению всего самого лучшего и возвышенного в жизни

ветхозаветных израильтян. Их миссия, проникнутая мессианским эсхатологическим духом, приобретает метафизическую глубину и стерилитическую основательность. В ней проявляется четко обозначенная ответственность людей (в лице народа Израиля) не только за себя, но и за будущие судьбы мира. В данных эсхатологических перспективах необычайный смысл приобретает духовно-нравственный аспект личного покаяния (как перемены) человека или народа, способного переменить их культурно-историческую судьбу.

Кающийся тип апостасийной личности

В этом сложном духовно-историческом контексте начинает просматриваться отличный от каинитов тип человека-отступника: внешние сознательные отступники, часто идущие до конца, но, как правило, в глубине своей души страдающие, сомневающиеся, неустойчивые в своих поступках, тяготеющие к признанию Высшей справедливости и склонные либо к искреннему раскаянию, либо к самоубийственной жертвенности. Среди них встречаются: 1) религиозные деятели, идеологи и реформаторы; 2) злодеи и преступники, «благородные» и неблагородные разбойники и т. п.; 3) темные романтики, «лишние люди», мечтатели, искатели приключений, жадные исследователи темных сторон жизни или «глубин сатанинских» (Мельмоты, Онегины и Печорины, герои литературы романтизма); 4) бунтари – революционеры с шатающейся религиозностью, способные на поступок раскаяния и перемену ума (Л. Тихомиров, Калев, герои Ф. М. Достоевского – Шатов, Раскольников, Митя Карамазов и др.); 5) отступники-гедонисты, готовые на все ради власти, богатства, славы и всевозможных наслаждений (Дон-Жуаны).

В раннехристианской историко-культурной традиции кающийся тип имеет прочное обоснование и развитие в теме «Благоразумного разбойника». Это великое раскаяние положило начало целой плеяде раскаявшихся разбойников историко-культурной христианской традиции (Моисей Мурин, Опта и др.). Оно выводит нас на другой яркий пример подлинного покаянного отступничества, пример апостола Петра.

Ап. Петр часто упоминается в синоптических евангелиях в неоднозначных ситуациях. Ап. Петр проявил себя в истории как личность с живой совестью, способная на безжалостную самооценку, самокритику. Исследователи евангелий считают, что ап. Марк во многом с его слов записал свое евангелие, в котором не скрыл недостатков личности Петра. Не умаляются его недостатки и в книге Деяний и у ап. Павла.

Личность апостола Петра уникальна и эволюционна. Она растет и духовно раскрывается через кажущиеся негативные проявления его характера⁸. Он отговаривает Христа от крестного пути и получает грозное «отойди от меня сатана», дерзновенно испрашивает излишнее и преждевременное позволение «идти по водам» и тонет, предлагает

создать бесполезные земные куши для духовных небожителей Моисея и Илии, прекословит во время «умывания ног», засыпает в Гефсиманском саду и, наконец, самонадеянно обещает ни при каких обстоятельствах не покидать Христа и предает Его. Он часто склоняется не к тому, что Божие, но к тому, что человеческое. Это продолжается и после воскресения, когда он не может не лицемерить, соблюдая «закон Моисеев» с обрезанными и не соблюдая его с необрезанными. И даже апостол Павел говорит, что в его посланиях есть нечто неудобовразумительное и спорит с ним. Глубоко показан образ ап. Петра в романе Г. Сенкевича «Камо грядеши». Там описана еще одна его ошибка – решение покинуть Рим во время гонений Нерона. Но во всех этих обстоятельствах Петр духовно возрастает, меняется, переоценивает себя и мир, постепенно становясь тем, кого мы почитаем как первоверховного апостола.

К подобному типу отступничества можно отнести многих христиан первых веков, устранившихся гонений, но впоследствии раскаявшихся в этом. Не выдержавшие гонений христиане I–III вв. часто становились лишь внешними отступниками по малодушию или поневоле и из страха мучений и смерти. Они внутренне оставались верными Христу и Его Церкви, жалея о своем отступничестве и желали с покаянием возвратиться в церковное общество.

Кающемуся типу отступничества свойственны:

- временное малодушие, страх;
- внешнее, а не внутреннее предательство;
- глубокая внутренняя религиозность, вера в возможность прощения у Бога и людей, решимость не повторять содеянного зла;
- искреннее раскаяние в содеянном и желание исправиться.

Кающийся тип глубоко и положительно эсхатологичен. Он выражает веру в возможность спасения для любого человека, каким бы он ни родился или ни стал в своей жизни. Это тип, допускающий сотериологическое (от греч. *σωτηρια* спасение) изменение и преображение мира и человека в лучшее. Его эсхатологический путь творчески этичен. Это «паулианский» путь к Новому Завету и апостасии.

Феномен отступничества в культурно-историческом контексте раннего христианства

В культурно-историческом контексте раннего христианства с идейно-религиозной точки зрения выделяются две основные группы отступников.

Первая – ревнители древней мудрости (гностики-еретическая или еретико-сектантская). Она характеризуется тремя фундаментальными составляющими – иудео-христианское основание, эллинистическое и позднеэллинистическое основание, восточное культово-религиозное основание. Однако все системы ересей разочаровывают своей незавершенностью и раздробленностью (М. Э. Поснов, М. К. Трофимова, А. Ф. Лосев). Они не только исказили

⁸ Ш. Бодлер отказывает ап. Петру в искренности раскаяния и прославляет правоту его отречения – «О Петр, клянись, ты прав в безумье отречений!» (пер. Эллиса); по др. пер. – «От Иисуса Петр отрекся... Он был прав» (Цветы зла. Мятаж. CXVIII. Отречение св. Петра).

и принизили христианскую тринитарную проблему, измыслив ее раздробленно и в материальном смысле ограниченно (Симон Волхв, Василид, система офитов), но главное, что это мирозерцание оказалось бессильным выразить и осмыслить божество как абсолютную, единую и высоковершенную личность. Еретическое отступничество часто имело поражающие воображение, трудноуловимые и утонченные формы, выраженные религиозными кружками и сообществами, не только двусмысленно исповедовавшими предполагаемую истину древних религиозно-философских традиций, но искажавшими самые их основы. Это искажение претендует на истину, подлинное знание, откровение и мистическое озарение, превышающее по значимости откровение всех существующих религиозно-философских традиций (лишь фрагментарно отразивших высшее знание), и поэтому может характеризоваться как тяготеющее к теософско-окультистному миропониманию всего сущего.

Вторая – ревнители древнего благочестия (монтанистско-новацианская или раскольническая) – отличается поиском утраченного благочестия и харизмы раннего христианства. Она выражается ригористической религиозностью, фанатизмом и нетерпимостью, нередко доходящими до самоистязательства и стремления к физической расправе с несогласными. Апостасийное саддукейство и инквизиторство, избравшее данный путь и отрекшееся от «бытийного» добра ради добра «высшего», открывает тему «жреческой» апостасии во всем ее многообразии.

Заключение

Мы исследовали историко-культурные типы апостасийной личности на примере ее эталонных типов. На основании этого можно условно выделить основные группы отступников – каины («ироды окаянные», «святополки окаянные»), иуды («христопродавцы», «иудушки»), жрецы (саддукеи,

инквизиторы), еретико-сектанты (лжепророки, лжемессии, лжехристы, антихристы), фаусты (окультисты, ведьмы и колдуны). Они появились уже в раннехристианскую эпоху и различаются по двум основным психологическим характеристикам – нераскаянные и кающиеся. Их отрицательные эталоны – Каин, Иуда Искариот, положительные – ап. Петр, «благоразумный» разбойник и др.

В своем общем онтологическом значении Каин и каиниты – апостасийный фундамент христианской культурно-исторической традиции, выросший из проблемы возникновения зла, греха и свободы, на котором произрастают последующие типы отступников. Вместе с тем у каинова типа с точки зрения христианской духовной и культурной традиции есть шанс на изменение судьбы. Он потенциально может стать иным типом, получить положительно-анастасийное и творчески-этическое эсхатологическое содержание.

Апостасия – не абсолютное зло. Ее носителем является человек, а не дьявол. Она вырастает из феномена метафизического зла, но не есть само сущностное зло. В ней есть позитивные и негативные грани. Есть общие и частные особенности – то, что развивается, и то, что отрицает и преобразуется. Апостасийные типы – все эсхатологичны, устремлены в некое будущее. Это движение к гибели или к спасению, к бесконечности или конечности, к героизму или ничтожеству, славе или позору.

Все апостасийные типы – это человеческие типы, а значит они не только зло или носители зла, но они и божественны, и духовны в ту меру, в которую сам человек всегда остается связанным с личностным, божественным и духовным началом творческим. Это можно увидеть на примере кающегося типа (Ветхозаветный Израиль, ап. Петр, «благоразумный» разбойник), типе Иуды Искариота, жречески-инквизиторского типа и, конечно, еретического типа отступников. Возможно, это темы отдельных исследований.

Литература

1. Писания мужей апостольских / предисл. Р. Светлова. СПб.: Амфора, 2007. 474 с.
2. Нисский Г., свт. Трактат об устройении человека // О человеке. Сборник трактатов. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. С. 23–142.
3. Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 635 с.
4. Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. 759 с.
5. Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология святого Григория Нисского. Киев, 2006. 666 с.
6. Зеньковский В. В. Основы христианской антропологии. (Проблема зла в человеке) // Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Paris: YMCA Press, 1934. С. 106–135.
7. Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Собрание сочинений. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 205–219.
8. Швейцер А. Мистика апостола Павла // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 241–487.
9. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов; Агония христианства. М.: Мартис; [Киев]: Символ, 1997. 414 с.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Соловьев В. С. Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 635–762.
12. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: АСТ; Астрель, 2010. 478 с.
13. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
14. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
15. Франк С. Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 383 с.

16. Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Гаудеамус; Академический Проект, 2012. 905 с.
17. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 672 с.
18. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 511 с.
19. Шестов Л. Добро в учении графа Толстого и Ницше // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–308.
20. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: АСТ; Астрель, 2011. 383 с.
21. Светлов Э. (Мень А. В., прот.) В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2. Магизм и единобожие. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971. 669 с.
22. Лосев А. Ф. Гностицизм // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Итоги тысячелетнего развития. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 306–386.

original article

Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context

Vsevolod V. Akhmatov^{a, @}^aNational Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

@maryatirsa@yandex.ru

Received 10.04.2020. Accepted 17.05.2020.

Abstract: The paper features apostasy as a cultural-historical, ecclesiastic law, eschatological, spiritual, and moral phenomenon. The author focuses on the eschatological, spiritual, and moral aspects of the issue in the context of religious and philosophical discourse to perform a comparative and typological analysis of the causes of social conflicts and violence. The article introduces a typology of apostasy in the early Christian cultural and historical context based on the concept of Christian anthropology. The research also revealed a number of reasons behind the phenomenon of apostasy as a classification of its forms and directions. The author made an attempt to find a basis for apostasy classification, its essential directions, and reference types, as well as to identify the main criteria for the present study and its ontological premises. The author believes that the phenomenon of apostasy should be studied in the cultural and historical context. The research objective was to show the relevance of spiritual and moral issues in the modern philosophical discourse, thus preventing interreligious and social conflicts, violence, extremism, and terrorism.

Keywords: apostasy, Cain, good, evil, spirituality, sin, freedom, the Fall of Man, early Christian cultural and historical tradition, eschatology

For citation: Akhmatov V. V. Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 137–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-137-145>

References

1. *Scriptures of the apostolic men*, foreword by Svetlov R. St. Petersburg: Amfora, 2007, 474. (In Russ.)
2. Nyssenus G., Saint. A treatise on the dispensation of man. *About man. Collection of treatises*. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011, 23–142. (In Russ.)
3. Nesmelov V. I. *Dogmatic system of St. Gregory of Nyssa*. St. Petersburg: Tsentr izucheniia, okhrany i restavratsii nasledii sviashchennika Pavla Florenskogo, 2000, 635. (In Russ.)
4. Lossky V. N. *The vision of God*. Moscow: AST, 2006, 759. (In Russ.)
5. Macarius (Oksiyuk), metropolitan. *Eschatology of St. Gregory of Nyssa*. Kiev, 2006, 666. (In Russ.)
6. Zenkovskiy V. V. *Problems of education in the light of Christian anthropology*. Paris: YMCA Press, 1934, 106–135. (In Russ.)
7. Kant I. The end of all things. *Collected works*. Moscow: ChORO, 1994, vol. 8, 205–219. (In Russ.)
8. Schweitzer A. The mysticism of Paul the Apostle. *Reverence for life*. Moscow: Progress, 1992, 241–487. (In Russ.)
9. Unamuno M. de. *The Tragic Sense of Life in Men and Nations; The Agony of Christianity*. Moscow: Martis; [Kiev]: Simvol, 1997, 414. (In Russ.)
10. Soloviev V. S. *The Justification of the good*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; Algoritm, 2012, 656. (In Russ.)
11. Soloviev V. S. *War, Progress, and the End of History: Three Conversations: Including a Short Tale of the Antichrist*. Works. Moscow: Mysl, 1990, vol. 2, 635–762. (In Russ.)
12. Berdiaev N. A. *On the appointment of a person*. Moscow: AST; Astrel, 2010, 478. (In Russ.)

13. Trubetskoy E. N. *The meaning of life*. Moscow: Respublika, 1994, 432. (In Russ.)
14. Lossky N. O. *God and world evil*. Moscow: Respublika, 1994, 432. (In Russ.)
15. Frank S. L. *Reality and man: Metaphysics of human being*. Moscow: AST; Khranitel, 2007, 383. (In Russ.)
16. Florenskii P., Priest. *The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve letters*. Moscow: Gaudeamus; Akademicheskii Proekt, 2012, 905. (In Russ.)
17. Bulgakov S. N. *Non-Evening Light: Contemplation and speculation*. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2001, 672. (In Russ.)
18. Karsavin L. P. *Philosophy of history*. Moscow: AST; Khranitel, 2007, 511. (In Russ.)
19. Shestov L. *Good in the teachings of Count Tolstoy and Nietzsche. Apotheosis of baselessness*. Moscow: AST, 2000, 207–308. (In Russ.)
20. Rozanov V. V. *Fallen leaves*. Moscow: AST; Astrel, 2011, 383. (In Russ.)
21. Svetlov E. (Men A. V., Archpriest) *In Search of the Way, Truth, and Life. Vol. 2. Magicism and monotheism*. Brussels: Zhizn s Bogom, 1971, 669. (In Russ.)
22. Losev A. F. *Gnosticism. History of ancient aesthetics. Vol. 8. The results of the millennium development*. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2000, 306–386. (In Russ.)